

ослабления нашей страны, ущемления ее интересов, геополитического выдавливания из всех ранее имевшихся у СССР позиций.

Вся постсоветская история показывает, что сильная единая Россия Западу не нужна при любой идеологии и в любой форме – империи, социалистического СССР, либерального государства. Следовательно, нужно делать выводы – о том, что у России не может быть друзей, нет и не будет постоянных союзников, но были и есть постоянные, непреходящие интересы, которые напрямую не связаны ни с общественно-политическим устройством страны, ни с доминирующей идеологией, ни с формами собственности, ни с текущими социальными элитами. Все это – лишь переменные величины, которые зависят от того, обеспечивают ли они силу, конкурентоспособность и безопасность страны, адекватны ли они социокультурным и другим объективным реалиям и требованиям времени. В этом состоит главный исторический урок истории России на протяжении последних полутора столетий.

СОЗИНА Е.К. (Екатеринбург).

Азия и азиатчина в творчестве А.Н. Островского*

Тема звучит парадоксально, ибо в Азии Островский не бывал, и все его многочисленные путешествия до Урала не доходили. Однако Азия, азиатчина, азиатство – понятия, имеющие скорее культурологический, нежели реально-географический смысл. Сама граница между Европой и Азией, Западом и Востоком, Россией и Сибирью на протяжении столетий была подвижна, и до сих пор в обыденном сознании Урал – это уже Сибирь, а Азия – не только Кавказ, но и вполне европейские по местоположению Чувашия или Мордовия. В начале XX в. указанные понятия обретают значение мифологем, определяющих самосознание русского человека; благодаря И. Бунину, И. Шмелеву и художникам модернистских течений (от А. Белого до В. Хлебникова) они обрастают рядом негативных коннотаций, а вместе с тем означивают геополитическую и геополитическую доминанту «россиянства» и «русскости». Впрочем, на национально-этнический «букет», кроющийся в содержании этнонима «русский», указывают уже пословицы, закрепившие в народном сознании память о монголо-татарском иге.

* Исследование выполнено в русле интеграционного проекта УрО – СО РАН «Эволюция жанров в русской литературе XVII – XX вв. и региональные традиции Урала и Сибири».

Для середины XIX в. почитать об Азии было не специфично, и уж тем более не был в ходу концепт «азиатчина», возникновение и функционирование которого относится скорее к XX в. Но именно на этот период – время расцвета творческой деятельности Островского – приходится окончательное оформление и закрепление колониально-имперской стратегии Российского государства, сопровождавшееся усилением экспансии России не только на восток (русско-турецкие и кавказские столкновения и войны, проходящие через все столетие), но и в свое внутреннее, пока еще крайне плохо освоенное пространство. Это движение поддерживала и укрепляла литература. Не только Восток (главным образом Кавказ), но и Малороссия с Крымом, Бессарабия, оренбургские степи, просторы киргиз-кайсацкой орды активно осваиваются в литературе с конца 1810-х–начала 1820-х гг., что совпадает с общей интенцией романтизма к открытию национальной души и национальных образов мира. Идеологические схватки западников и славянофилов 1840–1850-х гг., существо которых определялось решением вопроса о будущем русского народа и путях развития страны, могут быть рассмотрены как осознанная рефлексия интеллигенции в том числе и на геополитическую концепцию правительства (быть России страной закрытого или открытого типа, утверждать ли свою мультиэтничность и мультикультурность или осуществлять гегемонию «русскости»).

Теоретические споры «славян» с «европейцами» к практически ощутимому результату не привели, однако они простимулировали общественные процессы и подготовили интеллигенцию к тому, чтобы осуществить своего рода духовно-практическую поддержку правительства – начать изучение народов и местностей страны, параллельно черпая отсюда материал для творчества и занимаясь просветительской работой равно среди «инородцев» и среди образованного населения России. Концепции ориентализма, имеющие целиком и полностью западное, европейское происхождение, начали складываться с XVII в. Даже не концепции, а совокупность идей и усилий, направленных на изучение и просвещение «инородцев» (внутренняя *terra incognita*), в России развиваются в полной мере лишь с XIX в. – таково сравнительное положение дел.

В середине 1850-х гг. Островский совершает несколько поездок по Волге. Итогом явились его дневники и путевые заметки, а также – активное вторжение «инородческой среды» в художественные произведения. Это не означает, что героями писателя становятся чуваша, татары или коми (хотя в редких случаях наблюдается и это: «азиатец» Салай Салтаных в «Последней жертве»), тем более мы не встретим в пьесах Островского названия «Азия». Об освоении драматургом пестрого разнонационального состава населения Российской империи и ее территориальных пределов свидетельствует его художественный дискурс. Начиная с Замо-

скворечья в прозаических произведениях середины 1840-х гг. и продолжая поздними «московскими» пьесами, писатель представляет московский тоpos как вполне самодостаточный, таковы же и населяющие его жители; Москва вмещает в себя все и всех, являясь уменьшенной копией страны. и она неизменно и неизбежно «припахивает» Азией – как татарский болван, стоящий посреди Замоскворечья («Записки Замоскворецкого жителя»). Немудрено: Москву традиционно воспринимали как азиатскую столицу – об «азиатском устройстве» возглавляемого ею государства в очерке «Петербург и Москва» писал Белинский. «Царь московский какой-то византийский хан», – замечал А. Герцен¹ Специфический характер московского купечества и мещанства – смесь патриархально-православного, т. е. зачастую все того же азиатского, и «басурманского немецкого» – поражал даже просвещенных русских. Эту смесь, дичайший коктейль разноприродных начал, выдаваемый за «русачество», Островский и сделал предметом своего изображения.

Внутренняя географии воссозданного Островским мира может быть обозначена как «мифография» (слово, словно специально «придуманное» Д. Замятиным). Мир этот, взятый в аспекте самосознания населяющих его жителей – купцов, мещан, недоучившихся дворян и «матушек»-помещиц с их присными – организован по четко прослеживаемому хорологическому (хорографическому) принципу², где «наблюдатель», т.е. субъект географических представлений, точкой отсчета видит и мыслит себя и свое положение в пространстве, принятое за позицию «центра», своего рода «небесной» точки зрения. «Центр» мира – место, где живут они сами. Далее располагаются круги плохо освоенного или вовсе неосвоенного пространства, которое зачастую антропологизируется – каждый круг маркируется предполагаемым жителем этого чужого мира, причем степень чуждости равна степени его враждебности к «центру» – враждебности чисто воображаемой, а точнее, исходящей из узаконенного обыденным сознанием стереотипа. Самой крайней восточной точкой российского мира в представлении героев Островского оказывается *Камчатка* («Семейная картина»), хотя в «Грозе» упоминается и *Тяхту* (Кяхту), где живут *китайцы*: туда не ездят по доброй воле, туда ссылают (Дикой отправляет туда провинившегося Бориса). Этот же ссылочный смысл прочно закреплен за *Сибирью*, иногда заменяемой *Кавказом*.

Помимо крайне редуцированного образа реально-географического мира, в сознании всех героев Островского есть мир чисто мифологический, экстерриториальный – он располагается по вертикальной шкале. Его «нижний» полюс помещается в однозначно чужих и враждебных землях, которые, однако, в отдельные моменты жизни вдруг могут оказаться опасно близкими – тогда следует ожидать конца времен. Как и положено в мифологической картине вселенной, ускоряющееся к концу

время «съеживает», съедает пространство. По частотности именования этот мир, или страну, страшного «запредела» можно обозначить как *Белую Арапию*³. Ее полномочными представителями в пьесах Островского чаще всего выступают носительницы слухов, странницы – простонародный вариант путешественников, или свахи. «Праздничный сон до обеда»: *«Красавина. Что бы тебе новое-то сказать? Да вот, говорят, царь Фараон стал по ночам из моря выходить, и с войском покажется и опять уйдет. Говорят, это перед последним концом. Ничкина. Как страшно! Красавина. Да говорят, белый арап на нас подымается, двести миллионов войска ведет. Ничкина. Откуда же он, белый арап? Красавина. Из Белой Арапии»*⁴.

Пик эсхатологической мифографии ада мы находим в «Грозе». По словам странницы Феклуши, «неправедным» миром заправляют салтаны – «Махнут турецкий» и «Махнут персидский». На полустершейся росписи галереи над Волгой спрятавшиеся под ней люди видят изображение «гиены огненной», а в ней – «арапов». Соединив эти представления с мифом о Белой Арапии, получаем комплексное, чисто азиатское «нижнее» царство: Турция, Персия, Арапия могут располагаться только в Азии, хотя это, неизвестное странницам и свахам, слово они эвфемистически заменяют своими. Это некрещеная земля, а значит, неправильная, выворотная, которая, по прозрению Кабанихи, за нарушение законов совсем скоро накроет и их.

«Высший» полюс мифомира располагается вроде бы и рядом с полюсом «нижним», но в то же время – в безусловном центре вселенной. «Праздничный сон до обеда»: *«Ничкина. Да вот еще, скажите вы мне: говорят, царь Фараон стал по ночам с войском из моря выходить. Бальзаминов. Очень может быть-с. Ничкина. А где это море? Бальзаминов. Должно быть, недалеко от Палестины. Ничкина. А большая Палестина? Бальзаминов. Большая-с. Ничкина. Далеко от Царьграда? Бальзаминов. Не очень далеко-с. Ничкина. Должно быть, шестьдесят верст... Ото всех от таких мест шестьдесят верст, говорят... только Киев дальше. Юша. Царьград, тятенька, это – пуп земли? Ничкина. Да, миленький»*⁵ Царьград, Палестина – «святая» земля, поэтому она не может не быть «пупом» всей земли разом. В эту же категорию мимоходом попадает и Киев, – наряду с Царьградом, исторический центр православного, но уже сугубо русского мира.

Отражением пронизанной религиозной аксиологией мифографии героев Островского является их бытовой шовинизм, согласно которому все «некрещеные», «нехристи» – люди плохие, от них нужно ждать подвоха, обмана и просто зла. В «Грозе» Дикой ругает Кулигина за непризнание божественной природы грозы: «Что ты, татарин, что ли? Татарин ты? А? Говори! Татарин?»⁶ В последней пьесе «бальзаминовской трило-

гии» на «завириание» Миши – на обеих невестах разом жениться – маменька в испуге восклицает: «Что ты, татарин, что ли? Очувствуйся хоть малость!»⁷ В пьесе «На всякого мудреца довольно простоты» камердинер Турусиной докладывает: «Блаженный человек пришел. <...> Надо полагать, из азиатцев-с. <...> *Турусина*. Почему ты думаешь, что азиатец? *Григорий*. Уж очень страшен-с. Так даже жутко глядеть-с. Ежели, сударыня, к вечеру, – не приведи господи. *Турусина*. Как страшен? Что за вздор? *Григорий*. Такая свирепость необыкновенная-с. Оброс весь волосами, только один глаза видны-с»⁸.

Здесь на антропологическом уровне совмещаются «верх» и «низ» сакральной мифографии героев Островского – «блаженный человек» – «из азиатцев», и само по себе, как всякий парадокс, это страшно. Неслучайно далее Турусина высказывает свое предположение о происхождении «блаженного человека», «азиатца»: «Грек, должно быть» (напомним образующуюся цепочку: грек – Царьград – «пуп земли», т. е. *сакральное*). Григорий возражает: «Не очень, чтобы грек-с, еще цветом не дошел. А как вот есть венгерец-с. *Турусина*. Какой венгерец? Что ты глупости говоришь? *Григорий*. Вот что мышеловки продают»⁹ Григорий, как человек более здравых, народных понятий, чем барыня, склонен к обыденно-эмпирическому объяснению природы «блаженного», потому что это объяснение снимает страх. Обратим также внимание на профессиональную прикрепленность национальностей, связанную с опорой на житейский опыт персонажа: «венгерцы» – те, что «мышеловки продают».

Татары – это свои, отечественные нехристи-мусульмане, чужие по вере и обычаям, но близкие географически и, в общем, вполне понятные. Эпизодически они могут быть заменены другими «инородцами». В пьесе «Лес» Петр возмущается: «Да что ж меня не любить-то? Я не мордва некрещеная»¹⁰ Почему именно мордва попадает в список нехристей? По видимому, по причине своей долгой неподатливости христианству и верности родному язычеству. Зарубежный, уже совсем и чисто азиатский аналог «татар» («мордвы некрещеной») – это *турки*, извечный враг России на протяжении XIX в. Они определяют ядерный слой сакральной мифографии, и они же налицо в квазиреальной географии персонажей.

Оттолоски русско-турецких войн достаточно часты в мире Островского. Ион Ионович Турунтаев (тюркская фамилия, соединенная с библейским, да еще двойным – православие в квадрате – именем) из «Пучины», военный в отставке, воевал с турками и выступает своеобразным экспертом по сторонам света. В «Горячем сердце» разгулявшийся подрядчик Хлынов одевает свою команду турками. Городничий Градобоев «с туркой воевал» и доподлинно описывает нравы «нехристей»: «У турки храбрость большая, а дух у него короткий, и присяги он не понимает, как надобно ее соблюдать. <...> ...как отведут их далеко, дух-то этот храб-

рый весь из них вылетит, тут уж казаки наезжают с боков, да так их косяками и отхватывают. Уж тут его руками бери, сейчас аман кричит»¹¹. Характерна апелляция Градобоева к «духу», который у турок не в пример слабее русского: своего рода природно-натурная трансформация христианской антропологии.

В мире Островского мы находим и своих «иностранцев», которыми по логике купеческой вселенной оказываются те, кто не похож на других: «пешие путешественники» Счастливец и Несчастливцев («Лес»), уроженец Волги купец Васильков, которого жители Москвы принимают то за «лондонского агента», то за чужака, недавно вернувшегося либо от «ташкентцев», либо от бурят или тунгусов, короче – из Азии («Бешеные деньги»). К нему примыкает Салай Салтаных из «Последней жертвы», национальность которого остается непроясненной и который воплощает противоположный Василькову полюс «нового купца», что характерно, в любом случае имеющего у Островского азиатскую «прививку». На уровне «топохронии» авторского сознания и художественного мира следует иметь в виду города с чисто русским именем *Калинов* и чисто тюрским, точнее, болгарским, *Брахимов*.

¹ Герцен А. Россия и Польша. Письмо четвертое. 1860 // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России / Сост. Д. Н. Замятин. М., 2003. С. 111.

² Замятин Д. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004. С. 72.

³ См. об этом: Кошелев В. А. «Из Белой Арапии» // Щельковские чтения 2006: В мире А. Н. Островского. Сб. статей. Кострома, 2007. С. 151–161.

⁴ Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1949–1953. Т. 2. С. 126.

⁵ Там же. С. 135.

⁶ Там же. С. 253.

⁷ Там же. С. 377.

⁸ Там же. Т. 5. С. 143.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Т. 6. С. 27.

¹¹ Там же. Т. 5. С. 200.

СПЕРАНСКИЙ А. В. (Екатеринбург)

Россия и исторический процесс: концептуально-методологические интерпретации

Противоречия современного положения России, неясность путей ее дальнейшего развития, объективно заставляют общество обращаться к прошлому своей страны в поисках ответов на традиционные вопросы